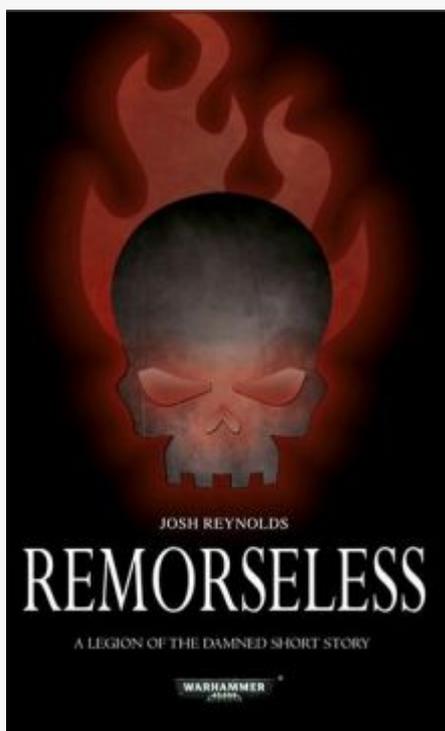

Нераскаявшийся / Remorseless (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Нераскаявшийся / Remorseless
(рассказ)

Автор	Джош Рейнольдс / Josh Reynolds
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Пламя и проклятие / Flame and Damnation
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Оборонительная сеть Корамонда отключилась, небо над крупнейшим и старейшим ульем Путника осветилось огнем, и уличные сирены громогласно взвыли, охваченные механической паникой. Артиллерийские батареи Железных Воинов выполнили свою задачу. Имперские силы занимали позиции,

готовясь дать отпор захватчикам, а тем временем взлетали челноки, унося орды перепуганных беженцев к сомнительной безопасности транспортных кораблей, ждущих на орбите некогда цветущего храмового мира. Им не суждено было спастись – железные кольца опоясывали планету, точно так же, как они охватывали улей, и всему предстояло сгнуться в жерновах демонических машин Медренгарда.

Заворочавшись на разостланной скатке, Скаранкс стряхнул дремоту, понукаемый к пробуждению вживленным под кожу имплантатом в основании шеи. Увидев, что в задыхающееся от пепла небо поднимаются клубы дыма, он вздохнул – наконец-то пришло время доказать собственную полезность.

- Принесите мой шлем, – пробормотал Скаранкс, указывая на требуемый предмет мощной рукой, покрытой шрамами. Черный шлем-череп ухмылялся из тигля, наполненного красными угольками, которые время от времени помешивал один из мутантов-рабов, скрывающих лица под капюшонами. Эти создания обихаживали людей в извилистых осадных траншеях, раскинувшихся по болотистым пустошам у стен улья. Тихий приказ хозяина заставил мутантов, выведенных для служения, вскинуться, словно охотничьих псов. Второй раб быстро подковылял к тиглю, трясая головой и шаркая ногами; затем он – или она, Скаранкс не был уверен – поднял тяжелые кузнечные щипцы и вытащил шлем из разогретого гнезда. В холодном воздухе от черепа пошел пар. Волочась к хозяину, он – оно – держало щипцы как можно дальше от своего тела.

Шлем-череп был сделан из гнутых листов металла, усыпанных острыми шипами, словно заклепками. На горгульей челюсти висел латный воротник с грубо вырезанной восьмиконечной звездой Хаоса; болтаясь в воздухе, он как будто корчился и извивался в щипцах, пытаясь вырваться на свободу.

Скаранкс сел – его тяжелое тело двигалось плавно, несмотря на иногда возникающую ломоту в суставах. Согнув-разогнув поочередно руки и обутые в сапоги ноги, воин поднялся. На могучем бойце была перепачканная униформа, заляпанная грязью тысячи миров, и поврежденный, выдавший лучшие годы армапластовый нагрудник, снятый с убитого врага. Обнаженные мускулистые руки покрывали шрамы и выжженные клейма его Повелителя. Следуя привычке, настолько укоренившейся, что она превратилась в инстинкт, Скаранкс провел пальцами по оскверненному имперскому орлу на бляхе разгрузочного пояса, еще одного военного трофея.

- Посмотрите-ка, ищайка желез очухалась – должно быть, войне скоро конец, – произнес один из людей в траншее. Как и его товарищи, солдат носил пеструю форму 23-го полка Бриганнийских Железнобоких: темный мундир и скверно сидящий нательный бронежилет, а также противогаз с выпуклыми, как глаза насекомого, линзами, свисавший с покрытой нарывами шеи. В ответ на остроту бойца, лениво поигрывавшего штыком в воспаленных пальцах, раздался сиплый гогот. Скаранкс не оскорбился – он услышал тревогу, скрытую за насмешкой. Война действительно почти закончилась, и это значило, что им предстоит сражение. Все, кто находился в траншее, знали, против кого и чего им предстоит драться, и один лишь Скаранкс ждал этого с нетерпением.

Не обращая внимания на оклики и поддевки, воин голыми руками осторожно высвободил шлем из щипцов. Кожа на пальцах зашипела и почернела, но Скаранкс ничего не почувствовал – боль *содрали* с него, как и прочие слабости. Тем временем солдаты притихли, хохот быстро сменился нервным молчанием. Подняв шлем, воин покрыл голову, ощутив, как раскаленный докрасна металл впивается в рубцовую ткань, служившую ему лицом, и учуял смрад поджаривающейся плоти. По мере того, как запах выползал из-под маски, люди вокруг тихонько отодвигались в сторону.

- Мои зелья и клинок, да побыстрее, – он нетерпеливо щелкнул обожженными пальцами. Скаранкс не рычал и не орал, так как это говорило бы о слабости – а он не был слаб. Воин не знал страха, ярости или

досады; или, по крайней мере, ему нравилось так думать. Сам Благодетель обещал, что Скаранкс будет свободен от ниточек, за которые боги тянут людей, и это сделало его полезным как для владык черных заводов Медренгарда, так и для нынешнего Повелителя. Воина нельзя было разозлить, напугать или соблазнить – он мог только повиноваться, как и рабы, торопливо исполнявшие новый приказ.

Один из них развернул кожаный сверток, в котором оказалось несколько ржавых шприцев отталкивающего вида, а другой, обхватив цепной меч Скаранкса ладонями, напоминающими ласты, протянул оружие хозяину рукоятью вперед. Взяв широкий, тяжелый клинок – мускулы предплечья вздулись от напряжения, – воин взмахнул им для пробы. Когда-то меч принадлежал ангелу, но потом Скаранкс забрал оружие себе и лично вырезал на нем символы и позорящие слова, освятив для новой жизни. Клинок, как и сам воин, был переделан в нечто лучшее.

- На колени.

Раб нехотя повиновался, скуля и потирая обезображенные ладони. Щелкнув переключателем, Скаранкс пробудил цепной меч, издавший резкий вой. Рука воина дрожала от вибрации зубьев; он помедлил, наслаждаясь инертным и смертоносным весом оружия, а затем ленивым взмахом разрубил стоявшего на коленях мутанта от темени до паха. Вырвав вкусивший крови клинок из оседающих алых останков, Скаранкс довольно хмыкнул, а нестройный вой сменился рокочущим ворчанием. Меч всегда просыпался не в настроении, и его следовало кормить.

- Зелья, – потребовал он, протягивая свободную руку. Другой раб обвил поданное запястье чешуйчатым щупальцем, Скаранкс сжал кулак, и мутант поочередно всадил шприцы в набухшие вены. Содрогнувшись, воин ощутил, как боевые наркотики вливаются в кровоток, смешиваясь с уже насыщавшими его зельями и химикатами. Зрение Скаранкса обострилось; стал отчетливо слышен глухой, по-птичьи нервный перестук сердец людей, деливших с ним передовую траншею. Он ощутил прилив сил, боли и недуги исчезли, сметенные холодным огнем, ревушим в жилах.

Когда-то гудящие живодерские инструменты Благодетеля взрезали Скаранкса по живому мясу и глубже, до самого костного мозга, очищая от слабости и наполняя силой, превращая в гончую, достойную псарен Медренгарда. Он стал охотником на героев, убийцей ангелов, добытчиком – и был хорош в своем деле, Благодетель позаботился об этом.

- Мой пистолет, мои сосуды, – произнес воин.

Оставшиеся рабы бросились исполнять приказ. Один из них застегнул вокруг талии хозяина оружейный ремень, на котором висела кобура, сделанная из человеческого скальпа; накладки на рукоять лазпистолета были выполнены из челюсти и зубов того же мертвеца. Другой мутант поднес перевязь с медно-армапластовыми цилиндрами – сосудами для прогеноидов, – и Скаранкс надел её поперек груди. Между фиалами висели гранаты, позаимствованные из множества арсеналов – осколочные, противотанковые и дымовые заряды, орудия его ремесла.

В глубине осадных укреплений застучали барабаны.

- Пора вылезать, – пробормотал один из солдат, крепко сжимая лазган. Из расколотого улья струились клубы дыма, затмевая солнце и накрывая мрачным саваном развалины, отделявшие траншею от внешней стены Корамонда. Где-то там, в дыму и грохоте, бродили ангелы, созревшие для жатвы. Схватившись за край бруствера, Скаранкс подтянулся и выбрался из окопа, слыша, как ротные командиры выкрикивают приказы у него за спиной. Свистели кнуты, стонали люди, бряцало снаряжение – 23-й полк Бриганнийских Железнобоких поднимался из траншей, торопливо следуя за воином. Примкнув штыки,

солдаты в жалком подобии дисциплинированного строя рысцой выдвинулись к пылающим руинам приулья. Возобновился артобстрел, снаряды падали перед Скаранксом, сокрушая любое сопротивление на данном участке, чтобы Железнобокие и их господа могли воспользоваться брешью во вражеской обороне.

Воин мельком заметил нескольких повелителей, целеустремленно пересекавших дальние траншеи. Свет, рожденный разрушением улья, блистал на силовой броне, откованной в кузнях тысячи миров. Владыки не спешили, и Скаранкс знал по опыту предыдущих кампаний, что они завалят защитников трупами Железнобоких и смертных солдат из других полков, прежде чем нанесут последний, хирургически точный удар. Так воевали Повелитель и его братья – холодно, расчетливо, с железной коллективной волей.

Скаранкс ощутил проблеск гордости. Когда-то Благодетель возвысил воина, исполняя желание Повелителя и его собратьев; из сотни кандидатов, выбранных путем испытаний и состязаний, лишь немногие оказались достойными превращения в нечто лучшее, нечто, наделенное целью, лишенное жалости или страха. По воле богов, их подняли над смертными людьми.

Старинный комм-модуль в шлеме охладился достаточно, чтобы начать прием сигналов, и Скаранкс услышал потрескивание, вслед за которым перед глазами ожило голографическое изображение.

- Мой гончий пес, – пророкотал Повелитель голосом глубоким и необъятным, словно пропасть, отделяющая его от слуги. – Ты готов?

Темные глаза господина, напоминавшие два пепельных мазка на бледном, покрытом шрамами лице, сверлили Скаранкса взглядом из ввалившихся глазниц – даже с голограммы.

В жизни Повелитель был почти вдвое больше слуги и всегда носил серый доспех оттенка оружейного металла, от которого вблизи разило запахами кузней, смазочных масел и порченой крови. Наплечники и наголенники пересекались идущими под углами полосами – символами опасности, – а вокруг талии на железных крюках висели проломленные, пожелтевшие от времени черепа. Господин облачался в простроченный армапластовыми бляшками плащ, сшитый из плотно сплетенных скальпов, а ворот, поднимавшийся над простым нагрудником, украшали клыки какой-то огромной твари, вытянутой из варпа и сокрушенной огромным силовым кулаком. Древнее оружие и сейчас оставалось на руке Повелителя, постоянно сжимаясь и расслабляясь, с явным нетерпением шевеля когтистыми пальцами. Другая ладонь грузно опиралась на навершие гладия с широким клинком, убранного в ножны на бедре. Через отверстия в броне, скрежетавшей при каждом движении, змеились тяжелые трубки высокого давления и пучки кабелей в дополнительной оплетке. Скаранкс видел всё это и по каналу связи.

- Да, Повелитель, – ответил он.

- Хорошо. Тогда поохоться для меня, гончий пес, загони добычу и собери мои трофеи.

Подняв силовую клешню, господин вытянул коготь, будто собираясь аккуратно кольнуть слугу между глаз.

- Мои братья-капитаны, Гриво и Мальвун, утверждают, что их ищейки желез все еще превосходят тебя в отлове врагов. Я докажу, что они ошибаются. Заставь меня гордиться тобой, питомец, и получишь награду – наверное, мне стоит позволить Байлу еще немного поиграть с твоей плотью, а? Выиграй для меня это состязание, и я превращу тебя в поистине великолепную гончую.

Рокочущий, пробирающийся до костей голос Повелителя отозвался в теле Скаранкса, и древние узлы

наведения в шлеме пробудились к жизни. Сначала размытые и мелкозернистые, прицельные метки сомкнулись на далеких мишенях, которых даже усиленное зрение воина не могло различить среди клубов дыма и потрескивающих языков пламени.

Шлем, созданный варп-кузнецами на службе у его господина, передавал Скаранксу электронный «запах» добычи. Итак, Повелитель сказал свое слово, и гончий пес почувствовал новый прилив сил – эндорфинные запасники извергли содержимое в кровоток. Он рассек дымовую завесу взмахом меча, и тот взревел с торжеством, которого его хозяин не мог ощутить.

- Я достану вам желанный трофей, Повелитель, - ответил Скаранкс, и голограмма погасла.

- Вали их, ребята! И не отставать от ищейки, а не то хозяева пустят наши шкуры на подушки! - раздалось позади. Щелкнул кнут, и воин услышал, как соседи по траншее спешат за ним. Скаранкс не удосужился сбавить шаг - ангелы приближались, и он должен был подготовиться к встрече.

Орудия по-прежнему изливали гибельный дождь, сотрясавший землю. Повелителя и его братьев мало волновало, что их собственные солдаты могут попасть под обстрел, куда важнее было вытеснить врага с укрепленных позиций. Перед Скаранксом, уступами поднимаясь ввысь и целиком заполняя поле зрения, выростала некогда изящная дуга внешнего купола Корамонда, составленного из миллионов солнечных батарей. Полусферу окружали развалины фабрик, влагосборников, резервуаров и опорных пунктов. Последние были возведены на более ранних стадиях осады, но, видя, как траншеи захватчиков день за днем подползают всё ближе, а артиллерийских батарей становится всё больше, защитники улья вынужденно отступили. Скаранкс не принимал участия в том, первом наступлении - он был слишком ценным, - но сейчас он стал острием атаки по одному из направлений, как много раз делал в прошлом. Ангелы попытаются заблокировать прорыв, гончий пес отыщет одного из них и заберет геносемя, столь желанное для Повелителя. Инструменты, специально для этого созданные Благодетелем, висели сейчас на разгрузке воина.

Но даже для существа вроде Скаранкса, сотворенного специально ради этой цели, задача была непростой. Она требовала времени, и подготовки, а также жизней, которыми можно жертвовать. Когда-то существовало много таких гончих, и они охотились в стаях, загоняя добычу, но война превратила «многих» в «немногих», а «немногих» - в «нескольких». Теперь же оставалась лишь горстка ищейек, слишком мало, чтобы рисковать ими, но столь сложное дело, как убийство ангелов, требовало жертв. Уцелевшие вынужденно пользовались намного менее надежными помощниками, чем прежние собратья по стае. Как и остальные, Скаранкс присоединился к никчемному отребью, теснящемуся в траншеях, и тратил столько их жизней, сколько требовалось для достижения цели.

Командиры направляли громко топающих сапогами Железнобоких на прокорм ненасытной пасти Корамонда. Смешиваясь с пылью, дым заволакивал небо удушливым облаком. Скаранкса окатывали волны тепла от разрастающихся пожаров; время от времени он слышал завывания солдат, которые получили ожоги, подойдя слишком близко к раскаленному металлу или оплавленному камню. Остовы разрушенных построек, продолжавшие стоять, несмотря на постоянные артобстрелы, поглощали жар и изрыгали пламя. Загонщик проходил под расколотыми арками, переступал через поваленные колонны - правители Корамонда, как и подобало господам храмового мира, не слишком заботились о функциональности зданий. Каждое из них было небольшой церковью, с широкими боковыми приделами и сводчатыми потолками; некоторые уцелели до сих пор. Каменные стены покрылись сажей и вспучились от жара, но устояли. Их покрывала резьба на священные темы, и Скаранксу захотелось изуродовать образы, но, поразмыслив, он подавил это желание. Цель ищейки заключалась в ином.

Под сапогами у него хрустело стекло, всюду валялись обломки и обгорелые трупы годичной давности. Руины уже довольно долго оставались ничейной землей, и враг постарался сделать их как можно более негостеприимными. Подтверждая это, вблизи громыхнуло несколько взрывов – как понял Скаранкс, сработали мины-растяжки. Чем ближе они подойдут к внешней оболочке улья, тем больше станет ловушек.

Воин взобрался по скату давно обвалившейся крыши, которая превратилась в своеобразный бугорок посреди четырех осыпающихся стен, и остановился в высшей точке. Перед ним раскинулся стремящийся ввысь улей, простирающийся от горизонта до горизонта, видимый через оконные проемы разрушенных домов и над неровными краями рухнувших стен. Рассматривая брешь, возникшую в том месте, где артиллерийский залп расколочил купол, словно яйцо, Скаранкс слышал глухой перестук со стороны противопехотных огневых точек противника, пытавшихся отбросить первую волну наступающих.

«35-й Бриганнийский, – подумал загонщик, – или 12-й, а скорее всего – один из множества кровавых культов, буйствующих сейчас на Путнике. Из тех, что согнали сюда по приказу Повелителя и спускают на врага в подходящий момент».

Из брызжущих пеной безумцев выходили превосходные штурмовики, способные, в крайнем случае, похоронить врага под собственными трупами. Война за храмовый мир окончилась, всё, что оставалось – забрать заслуженный приз.

Где-то здесь бродили двое из его оставшихся братьев, отправленные соперниками Повелителя. На Медренгарде высоко ценилось жизнеспособное геносемя, и командир, доставивший подходящую прогеноидную железу, получал щедрую награду. Апотекарии легиона с радостью встречали даже единственный образец. Ради горстки чистого геносемени, не затронутого искажающим влиянием Ока Ужаса, испепелялись целые планеты. На темных проспектах и в замкнутых пространствах индустриальных зон Медренгарда велись войны за малейшую возможность обрести источник создания новых космодесантников. Не существовало более ценного трофея, и стоил он больше, чем жизни тысячи людей.

Сейчас эти люди нервно перешептывались где-то позади Скаранкса. Железнобокие прошли через горнило множества битв – как против Имперума, так и против соперников своих господ, – в которых одинаково стойко противостояли громогласным, облаченным в броню имперским фанатикам и выносливым, обладающим раздутыми животами почитателям мух. Но защитники Корамонда почти сломили солдат, и шейка это носом чувствовал. Даже сейчас, когда победа была так близка, от них несло кислым запахом страха.

«С этим ульем что-то не так. Творится что-то, чего не было ни в одном из городов, которые мы захватили и разорили», – так говорили бойцы, когда думали, что их никто не подслушивает. Они видели, как пылающие ангелы бродят среди траншей, пропадая, словно призраки, в клубах дыма и пыли. Некоторые солдаты клялись, что это знак недовольства богов, другие утверждали, что противник выскользнул за кольцо осады и готовит контрнаступление, пока внимание господ обращено на Корамонд. Последние, самые тихие, шептали, что за повелителями явились призраки их старых грехов. Бормоча это, скорчившиеся в сыром окопе люди каждый раз поглядывали на Скаранкса. Воин понимал, о чем идет речь, но не обращал внимания на шептунов. В конце концов, пока солдаты выполняют то, что им велено, какое ему дело, боятся они или нет?

Подняв глаза, Скаранкс увидел каменных херувимов, сгорбившихся в углах, где колонны соединялись с

арками. Фигуры смотрели на него с холодным осуждением, но гончий пес не стыдился своих деяний и не раскаивался в них. Что бы там ни утверждали защитники мира, Путник был не священнее любого иного – сам мир и Империиум, которому он принадлежал, давно пережили отведенный им срок. Оставалось только выпустить обоим кишки и закопать поглубже; их боги, в отличие от владык Скаранкса, не имели силы. Людской природе больше соответствовали божества вроде Повелителя и Благодетеля, ибо соразмерно этой природе они вознаграждали и карали.

Трещащие очереди лазганов прорезали сумрак. Бойцы позади Скаранкса остановились и пригнулись, перестроившись в стрелковую цепь; помедлив, он оглянулся на смертных через мускулистое плечо, а затем спрыгнул с обвалившегося фрагмента крыши и поспешно отскочил в сторонку. *«Незачем подставляться зазря»*. Вновь раздались пульсирующие звуки лазвыстрелов, и кто-то закрычал.

Что-то желтое мелькнуло в клубах дыма и пыли. Внезапно насторожившись, Скаранкс опустился на землю и замер. Узел наведения страдальчески пищал, по внутренним экранам шлема мелькали знакомые символы – добыча проглотила наживку.

Послышались быстрые, тяжелые шаги, под которыми с хрустом крошился камень мостовой. Бойцы в стрелковой цепи напряглись, слушая, как орет командир отделения, перемежая приказы проклятиями. Мгновением позже наступила тишина. Загонщик, словно ящерица, припал животом к земле; в его руке, глухо рыча, вибрировал цепной меч. Скаранкс разглядел силуэт стоящего ангела, скрытого в клубах дыма, которые по-прежнему вырывались из расколотого купола.

А затем вестник смерти заговорил, и люди начали умирать. В руках облаченного в силовую броню великана взревел болтер, приветствуя захватчиков. Космический десантник неторопливо шагал к Железнобоким, стреляя на ходу, и масс-реактивные заряды дробили черепа, начисто отрывали конечности и превращали туловища в алую дымку. В лабиринте развалин каждый выстрел казался раскатом грома. Наблюдая за резней, Скаранкс оценивал новоприбывшего – тот носил желтый доспех, на одном из наплечников которого был изображен черный кулак в белом круге. Увидев это, загонщик довольно присвистнул: перед ним был Имперский Кулак, а именно их геносемя предпочитали Железные Воины. Почему так сложилось, Скаранкс не знал.

Доспех гиганта кое-где почернел и покрылся пятнами сажи. Поперек груди тянулась перевязь с гранатами и запасными магазинами, на бедре ждал своего часа болт-пистолет в кобуре. С другого бока свисал резной квадратный ящичек из железного дерева, напоминающий ковчег для мощей. Сбоку на шлеме воина было установлено прицельное устройство, а к плоским частям брони прикреплены печати чистоты и полосы пергамента. Этот Имперский Кулак, снаряженный для войны, вполне мог какое-то время вести её в одиночку.

Скаранкс отполз дальше в развалины, огибая зону перестрелки с легкостью, дарованной опытом. Химический коктейль в крови повысил его способность к ориентированию на местности, хоть и приглушил сверхвозбудимость, вызванную боевыми наркотиками. Передвигаясь, загонщик мельком углядел силуэты новых целей, пробиравшихся среди руин. Выходило так, что только одно отделение – самое большее, десять космодесантников, да и то вряд ли – выдвинулось, чтобы замедлить наступление. Имперские Кулаки будут сдерживать смертных до тех пор, пока не придут Мастер и его братья, или какой-нибудь смысленный молодой офицер Железнобоких не вызовет бронетехнику или артобстрел. Но так не пойдет, это навредит планам ищейки – нельзя, чтобы ангела искромсало, пока не собраны трофеи.

Между смертями, готовыми настичь добычу, всегда шла настоящая гонка: либо жертву съедят

Скаранкс и другие ищейки, либо армейские пушки. Если первый раунд такого «состязания» был проигран, слуга Повелителя не брезговал собирать урожай и с мертвых, но в случае с живой добычей всегда имелась уверенность в том, что железа окажется плодотворной. Но существовала и проблема – живые *сражались*. Даже будучи в идеальной форме и накачавшись боевыми наркотиками, загонщик не мог противостоять космодесантнику. У нескольких ищеек, действующих вместе, мог быть шанс, но теперь, после гибели товарищей, Скаранксу приходилось проявлять находчивость.

Не обращая внимания на лаз-разряды, отражающиеся от силового доспеха, Имперский Кулак продолжал идти, пока не добрался до подходящей оборонительной позиции. Проскользнув через дебри сломанных стальных балок и поваленных каменных колонн, Скаранкс услышал, как пригнувшийся в укрытии космодесантник передает братьям свои координаты. Закончив, он выглянул из-за угла и выпустил короткую очередь. Болты оторвали ногу какому-то невезучему бойцу, и смертный отлетел прочь, перевернувшись в воздухе.

Отделение бригадиров отступало в поисках укрытия. Половина солдат уже лежали на земле – убитые или раненые, но одинаково бесполезные для загонщика. Связист отряда пронзительно кричал в вокс-канал, запрашивая помощь, а Имперский Кулак продолжал стрелять. Скаранкс, взгромоздившийся прямо над ним на скате просевшей крыши, видел, что собирается сделать космодесантник, державший в руке осколочную гранату. Готовясь к броску, он выстрелами загонял Железнобоких к воронке от снаряда. Хотя бойцы видели в ней укрытие, на самом деле там их проще всего было убить одним ударом. Загонщик хмыкнул; если такой трюк удастся повторить несколько раз, то наступление почти наверняка замедлится. Оно не остановится, но воины в желтых доспехах этого и не ждали, а просто пытались задержать осаждающих, пока защитники улья не отступят на устойчивые оборонительные позиции или не покинут Корамонд.

Скаранкс повидал множество подобных хитростей в сотне сражений. Каждый раз всё проходило по одинаковому сценарию, и загонщик со временем привык к этому. Раньше, будучи простым смертным, он мог испугаться самой мысли о схватке с таким воином. В два раза крупнее обычного человека, облаченный в доспех, толщиной не уступающий танковой броне и стреляющий с недостижимой точностью, великан поистине был вестником смерти. Его боялись, и от него бежали – но Благодетель очистил Скаранкса от страха и превратил смертного в *пожинателя ангелов*. Выполняя приказы Повелителя, загонщик охотился за ними по всему сегменту, убивал ангелов, носивших красное, и ангелов, облаченных в синее.

Он прикончит и этого.

Ну, с некоторой помощью от немногих уцелевших соседей по траншее, разумеется. В конце концов, ради этого солдаты здесь и оказались. Подняв руку к разгрузке, Скаранкс сдернул с нее гранату; скорее всего, взрыв только вспугнет его добычу, но именно это и требовалось. Выдернув чеку, загонщик приготовился к броску, но тут в его поле зрения мелькнуло нечто вроде язычка пламени, пляшущего в клубах дыма неподалеку. Пес Повелителя смотрел на него, не в силах отвести взгляд, и чувствовал, как что-то шевелится внутри. В воздухе ощущался жар и нечто неопределенное, не поддающееся описанию.

Линзы шлема, жужжа и меняя фокусировку, пытались выделить и увеличить объект, а прицельные метки как будто забились в судорогах. Очередная добыча или что-то иное? Затем Скаранкс разглядел силуэт грузного создания, облаченного в броню... и оно тут же исчезло. Загонщик моргнул, но ничего не изменилось. Возможно, это был еще один космодесантник, идущий на помощь товарищу?

Скаранкс моргнул вновь, и внезапно существо вернулось, возникло невообразимо близко – кости, пламя,

черный доспех и глаза, горящие, словно двойная звезда и впивающиеся в ищейку Повелителя. Отшатнувшись, он ударил призрака цепным мечом, но рычащий клинок рассек лишь дым и воздух; нога загонщика поехала на щебне, и граната выскользнула из руки.

Заряд поскакал вниз, к Имперскому Кулаку. Улучшенные чувства космодесантника превосходили аналогичные способности Скаранкса, поэтому великан резко развернулся на первый же звук и открыл огонь по врагу. Загонщик, начисто забыв о фантоме, отпрыгнул назад; граната сработала, но ангел уже сорвался с места. Пока слуга Повелителя съезжал по скату, Имперский Кулак успел выскочить из укрытия, швырнуть собственную гранату в отделение бригааннийцев и размеренной рысью направиться к другой стороне церкви. Другой отряд Железнобоких, появившийся среди развалин, начал перестраиваться в стрелковую цепь и открыл огонь. Не обращая внимания на слабый дождик лазвыстрелов, задевающих желтую броню, космодесантник бросился к смертным. Остатки первой группы бригааннийцев пытались восстановить боевой порядок, но, судя по тому, что видел Скаранкс, помочь товарищам они ничем не могли.

Имперский Кулак врезался в стрелковую цепь, словно неуправляемый грав-погрузчик, разбрасывая солдат во все стороны. Тыльной стороной латной перчатки он ударил одного из бригааннийцев с такой силой, что голова бойца оторвалась и заскакала по полу, оставляя за собой багровые лужицы. С ближней дистанции болтерный огонь нес еще более жестокую смерть, Железнобокие умирали по двое-трое за раз. Силовая булава командира отделения отскочила от желтого наплечника, и космодесантник, выхватив боевой нож, рассек череп её хозяина. Следя за схваткой на расстоянии, Скаранкс выждал подходящий момент, а затем сделал ход.

Изначально он надеялся выкурить Имперского Кулака из укрытия, чтобы добыча увязла в бою с бригааннийцами. Эта тактика уже несколько раз срабатывала, но сегодня всё получилось немного не по плану. Впрочем, результат оказался тем же, а загонщик никогда не жаловался на дары, полученные свыше. Низко пригнувшись, Скаранкс приблизился к космодесантнику, с головой ушедшему в избиение Железнобоких. Глубоко вздохнув, пес Повелителя ощутил, как струятся по жилам наркотики, а затем совершенно беззвучно – не считая визга цепного меча – бросился на жертву.

Несмотря на умения, дарованные Благодетелем, загонщик не мог сравниться с Имперским Кулаком и знал это. Скаранкс проигрывал и в силе, и в быстроте; его рефлексy, даже форсированные боевыми наркотиками, в лучшем случае приближались к уровню врага. Тем не менее, он уже убивал космодесантников, пусть и с большим трудом, жертвуя подручными средствами. В данном случае «средствами» оказались бригааннийцы, хотя загонщик с радостью воспользовался бы любым имеющимся орудием. Ангелы были смертными, а то, что можно убить, не должно вызывать страха. Изучая добычу на протяжении долгих кампаний, Скаранкс заработал немало шрамов, доказывающих, что знаний он набрался старым добрым способом.

Главная проблема заключалась в *скорлупе* – её почти невозможно было вскрыть, если только не подобраться вплотную, разжившись нужными инструментами. Мелта или плазмаган могли справиться с задачей, но, применяя их, ты рисковал погубить желаемый трофей. Оставалась только проверенная грубая сила: при правильном использовании она становилась столь же эффективной, как и любое оружие.

Скаранкс нанес удар в тот момент, когда Имперский Кулак вытянул руку. Цепной меч, обрушившись на сгиб локтя космодесантника, прогрыз трубки высокого давления и черный панцирь. Великан тут же развернулся, паля из громающего болтера, но загонщик ушел в сторону, укывшись за каким-то невезучим солдатом. Бриганниец принял выстрел на себя, а пес Повелителя, обогнув врага, пропахал

клинком борозду в наспинном ранце доспеха. Из блока повалил пар – это был источник питания силовой брони, и, как знал Скаранкс, повредить его значило причинить вред самому ангелу.

Из отверстия на локте доспеха Имперского Кулака толчками вытекала кровь, пачкая желтую латную перчатку. Рана не причиняла космодесантнику особых неудобств, да загонщик этого и не ждал. Он пробирался через толпу отчаянно сражавшихся солдат, не попадаясь противнику на глаза. Старый, но полезный трюк: заполнить поле боя целями и атаковать, когда враг отвлечется. Повелитель весьма успешно применял эту тактику во время осад, а Скаранкс с удовольствием использовал её же, но в меньшем масштабе.

Очередной момент для удара возник, когда ангел резким движением поднял вопящего солдата над землей и раздавил ему горло. Загонщик метнулся к Имперскому Кулаку, за счет химически усиленных мускулов двигаясь так быстро, что смертные не могли уследить за ним. Цепной меч вгрызся в плотный пучок бронированных силовых кабелей, которые проходили над животом космодесантника и скрывались под нагрудником. Посыпались искры, засвистели струи пара, и удивленный великан пошатнулся. Затем он открыл огонь, ведя болтером вслед за убегающим Скаранксом; тот лавировал между паникующими солдатами, укрываясь за живыми щитами и заставляя добычу тратить боекомплект.

Как говорил Повелитель, *«капля по капле и камень точит»*. Каждым выпадом нужно сбивать один из слоев обороны, чтобы в итоге обнажить приз внутри. Космический десантник был армией в консервной банке, так что каждый удар ослаблял и армию, и банку, хранящую её. Требовалось только бить их достаточно сильно и часто.

Восприятие загонщика сконцентрировалось на цели. Скаранкс с головой ушел в схватку, и всё вокруг двигалось, словно в замедленной съемке. Уголкем глаза он заметил очертания объятых пламенем доспеха, моргнул, и видение приблизилось. С каждым движением век, с каждым ударом аугментированного сердца силуэт придвигался к пожинателю ангелов, при этом словно бы не шевелясь. Это был завиток дыма, язык пламени, блеск кости, и он подступал всё ближе к загонщику – но вдруг исчез после того, как тот в очередной раз моргнул.

Пытаясь избавиться от помех, возникших в поле зрения, Скаранкс потряс головой, заставив прицельные метки заискрить и пойти мелким зерном. Тем временем Имперский Кулак разбрасывал атакующих солдат, тела шлепались на землю, словно капли дождя. Пробираясь среди падающих Железнобоких, загонщик перехватил цепной меч двумя руками, выставив вопящий клинок перед собой. Космодесантник повернулся к нему, поднимая оружие.

Скаранкс рассек болтер пополам, крутанулся на пятках и с размаху рубанул цепным клинком по виску шлема, вкладывая в удар все силы до последней капли. Космодесантник покачнулся, но быстро пришел в себя – кулак в латной перчатке, словно поршень, устремился к загонщику, едва не снеся ему голову. Пес Повелителя отступил, держа меч на отлете, а великан бросился к нему, отшвырнув какого-то бедолагу с дороги ударом остатков болтера. Выхватив пистолет, ангел выстрелил: заряд расколол скалобетон у ног Скаранкса, заставив того резко отскочить назад.

В Имперского Кулака врезалось несколько лазерных лучей, отвлекших его внимание. Развернувшись, ангел открыл огонь по Железнобоким, укрывшимся в воронке. Смертные бойцы кидались на него, били штыками и прикладами, но не причиняли никакого вреда. Взведя противотанковую гранату, загонщик катнул её в толпу сражающихся; прогремел взрыв, поглотивший всю группу. Тела рухнули наземь, плоть задымилась и голоса умолкли.

Скаранкс пробрался к цели сквозь облако пыли, поднятой взрывом. Казалось, что в дымке к нему скользили огромные создания, но, когда собиратель желез повернулся, призраки исчезли. Кожа горела, но не от жара, а от чего-то иного. Моргнув, загонщик попытался сосредоточиться – казалось, нечто старается отвлечь его. Тут же к Скаранксу из пыли протянулась черная ладонь, и на мгновение его сердце замерло, пропустив удар. Рука вытягивалась всё дальше, влача за собой языки пламени и клубы жирного дыма, отчетливо виднелись белые кости, украшавшие суставы пальцев латной перчатки. Пожинатель ангелов слышал голос, почти такой же, как у Повелителя, просачивающийся к нему через рык помех в ушах... Нет, это был не один, а множество голосов, низких и скорбных, как песнопения темного апостола, молящегося ненавистному богу. Их слова проникали в тело, и за ними следовала боль. Голоса о чем-то просили его – нет, чего-то *требовали*, – но Скаранкс не мог разобрать, в чем дело, да и не хотел. У него была цель, не оставлявшая времени для неясных речей.

Споткнувшись о кусок скалобетона, загонщик будто очнулся, вспоминая о неотложном деле; голоса исчезли, словно никогда не существовали, оставив после себя лишь помехи. Осмотревшись, Скаранкс увидел, что пол покрыт трещинами и расколот, а ошеломленный космодесантник стоит в центре воронки, оставленной взрывом. Тела противников немного защитили ангела, но граната не пропала даром – хотя желтый доспех все еще функционировал, его испещрили мелкие и крупные пробоины. Имперский Кулак обронил болт-пистолет и остался почти беззащитным, не считая боевого ножа, вонзенного в подергивающегося бригааннийца. Собиратель желез по опыту знал, что подобный взрыв на небольшом расстоянии заглушит сенсорные потоки брони, пусть всего на несколько секунд. У оглохшего, ослепшего и онемевшего космодесантника имелось два варианта: либо терпеть до перезагрузки, либо снять шлем. Скаранкс помедлил, выжидая, что выберет жертва; увидев, как великан вырывает нож из трупа Железнобокого и неуклюже нащупывает края шлема, он рванулся вперед. Следующие мгновения решат всё.

Раздалось шипение разъединяемых трубок и размыкающихся гермоуплотнителей. Космический десантник отбросил шлем, но опоздал – рычащий клинок загонщика опустил на его беззащитное лицо, врубаясь до кости. Хлынула кровь, полетели клочья обветренной кожи, и захваченный врасплох Имперский Кулак взревел от боли. Первый звук, изданный им за время боя; Скаранкс собирался сделать его и последним. Зажимая рану на лице, ангел покачивался, теряя равновесие и размахивая ножом в попытке отогнать противника.

Скользнув обратно в клубы дыма, загонщик обошел добычу кругом, не обращая внимания на чирикание прицельных меток. То, о чем пытался предупредить узел наведения, могло подождать – Скаранкс был слишком близок к победе. Его удар почти прорубил череп Имперского Кулака и рассек яремную вену. Из-под пальцев, сжимающих чудовищную рану, хлестала кровь, но даже в таком состоянии космический десантник представлял опасность. Возбужденные синапсы собирателя желез, подстегиваемые наркотиками, указывали ему углы атаки, варианты нападения. Выбрав быстрее, загонщик резко опустил цепной меч и, выхватив лазпистолет, невероятно метко выстрелил от бедра в ковылявшего к нему великана. Луч, вонзившийся точно в глаз Имперского Кулака, превратил его мозг в кашу, но воин всё так же ступал вперед, неуверенно делая один шаг за другим. Видя, как из глазницы и рта космодесантника струится дымок, Скаранкс помедлил, думая, не ошибся ли с выбором. Иногда гиганты не умирали на месте, иногда не умирали вообще, и продолжали идти, несмотря на горелую размазную в черепе.

И тут, издав нечто, очень похожее на вздох, ангел с грохотом повалился навзничь. Скалобетон вздрогнул, как будто сочувствуя упавшему. Быстро убрав пистолет и остановив клинок, загонщик направился к трупу, лежавшему с раскинутыми руками. Посмотрев сверху вниз на мертвого воина,

Скаранкс без церемоний присел на корточки. Вглядевшись в уцелевший глаз добычи, из которого уходила жизнь, пожинатель ангелов провел над ним рукой. Интересно, что жертвы видели перед смертью?

«Ты боишься? – подумал загонщик. – *Боишься меня?*»

Он надеялся, что так и есть.

Скаранкс ненавидел их за то, чем они были, за то, чем он никогда не мог стать. Загонщик был почти так же хорош, как и они, бесстрашен и могуч – но не был ангелом. Он был псом, и ненавидел их так же искренне, как любил Повелителя за то, что тот сделал его сильным.

Вокс-канал внезапно и мучительно завизжал на высокой ноте, словно просверливая череп. Вокруг мучительной боли, гвоздем всаженой в мозг, обвивалось сумбурное бормотание неясных голосов приглушенных расстоянием. Отдельные слова терялись в месиве непрерывного шума. Скаранкс хлопнул ладонью по виску, пытаясь переключить частоты. Комм-модуль жужжал и пощелкивал, на каждом вокс-канале звучало одно и то же – голоса, грохочущие наподобие далекого грома, не произносящие ничего разборчивого, но в их тоне слышалось... Что? Обещание, или, быть может, предупреждение? Тряхнув головой, загонщик прогнал посторонние мысли. Ничто не имело значения, кроме приказов Повелителя.

Больше не тратя времени зря, он отрубил голову космодесантника – просто для верности – и отшвырнул её ударом ноги. Затем, с глубоким вздохом, Скаранкс принялся за работу. Цепной меч вынул в его руке, вскрывая нагрудную броню. Добравшись до тела, загонщик отбросил зазубренные куски керамики и положил меч. Орудия разделочными инструментами, он начал вынимать из черного панциря узлы подключений и удалять верхний слой кожи. Вслед за этим пришел черед моноволоконного скальпеля, который рассек твердую оболочку и обнажил мышцы.

Скаранкс слышал, как перегруппировываются бригадники. От обоих отделений осталось лишь по несколько потрепанных солдат, слишком трусливых, слишком тяжело раненых или слишком испуганных, чтобы сражаться с врагом. Командиры отрядов погибли первыми, хотя загонщик не знал, кто прикончил их – Имперский Кулак или амбициозные подчиненные. Повелитель поощрял среди смертных желание продвигаться вверх по служебной лестнице, хотя бы для увеселения самого себя и своих братьев.

В итоге вся стычка заняла, самое большее, несколько минут. Поблизости раздавалось ритмичное рывканье болтеров и жалкое повизгивание лазганов. Оторвавшись от работы, Скаранкс окинул взглядом руины, и что-то подспудно кольнуло его. Чувствуя, что за ним наблюдают, загонщик обернулся; через трещины в стене он увидел черные пятна, которые двигались и корчились, вздувались и превращались в тонкие полоски, словно размытые образы миражей. Пахло горелым мясом – сильнее, чем должно было, как будто собиратель желез только что надел шлем, вынутый из огненного гнезда. Все новые и новые силуэты скользили в дыму вокруг него, исчезая на полушаге.

Внезапно перед Скаранксом возник черепополюк шлем, с которого смотрели пронзительные глаза, напоминающие алые угли. Загонщик схватился за лазпистолет; пока он поднимал оружие, красные огни исчезли в завитке дыма. Чувствуя, как пересыхает горло, а по венам струится холод, он повел пистолетом по дуге, пытаясь отследить призрака. Былой прилив сил, вызванный боевым коктейлем, постепенно спадал. Моргая, пес Повелителя пытался прояснить зрение. Такое случалось прежде – узел наведения захватывал фантомов, и Скаранкс гонялся за уже умершими созданиями. Убрав оружие, он

заметил опасливо-изучающие взгляды солдат и оставил их без внимания. Железнобокие выполнили свою задачу, а выжившие снова послужат ему, пока не будет выиграна битва и закончена жатва.

Отложив скальпель, собиратель желез выбрал клиновидный нож, подходящий для вскрытия усиленной грудной клетки и доступа к внутренним органам. Взревели осадные орудия; поблизости что-то взорвалось. Возможно, танк... но разве враг применял танки? Вновь сделав паузу, загонщик прислушался. Осторожность всегда оказывалась полезной, даже на этой стадии осады.

- Там еще больше... этих, - произнес один из солдат. Пригнувшись возле разбитого окна, он держал лазган наизготовку. По голосу Скаранкс узнал в нем того самого шутника из траншеи. Кажется, бойца звали Отто, но загонщик не был уверен. Все они выглядели одинаково: пара ярких от страха глаз на бледно-розовом, словно дождевой червь, лице. - Видно, как они бродят в тумане.

- Да, несколько, - отозвался Скаранкс и довольно присвистнул, добравшись наконец до цели охоты. Открыв один из сосудов, собиратель желез вытащил прогеноид мертвого космодесантника и опустил в цилиндр. Бриганнийцы, видевшие это, отошли подальше; даже сейчас, после всего, что они увидели и совершили под началом владык Медренгарда, подобные вещи вызывали у солдат суеверный страх. Выпотрошить ангела смерти значило согрешить в глазах Ложного Императора, а для Железнобоких его гнев оставался не менее реальным - пусть и не столь могущественным, - чем ярость богов, которым бойцы служили теперь.

Плотно закрыв сосуд, загонщик вытер окровавленные руки об одежду.

- Больше, чем несколько, - возразил Отто. - Они собираются выступить из города.

- Хорошо. Значит, я смогу расколоть больше желтых скорлупок, - произнес Скаранкс, глядя на завоеванный приз. Этот кусок хрящеватого мяса, обладавший своеобразной кровавой красотой, хранил в себе тайну ангелов, и мог превратить человека в одного из них. Загонщик задумался, каково это - носить вычурные доспехи и пробираться через океаны крови на протяжении целой вечности резни...

- Так у них броня не желтая, - сообщил Отто.

Нечто в его голосе привлекло внимание Скаранкса. Некая выразительная нотка, тут же отозвавшаяся во всех остальных, прыгала от солдата к солдату, словно цепная молния. Некоторые бриганнийцы тихо переговаривались, другие неверной походкой направились к окнам. Быстро пересчитав их - оказалось, из двух отделений уцелело пятнадцать человек - загонщик понял, что выжившие едва смогут связать боем одного Имперского Кулака, не говоря уже о большем количестве. Склонив голову и прислушавшись, он разобрал потрескивание пламени и шорох пыли, падающей с купола, по которому продолжали бить осадные орудия. До Скаранкса доносился звон разбивающихся солнечных батарей и рокот оседающего скалобетона, рев артобстрела и крики умирающих. Но характерного стука сабатонов силовой брони и рывканья болтеров *не* было слышно. Собиратель желез подумал о призрачных образах, возникших в узле наведения, и череполиком существе, явившемся ему.

Не понимая, что происходит, Скаранкс с цепным мечом в руке взобрался по скату обвалившейся крыши. Рассекая дым клинком, он услышал, как оружие бормочет неясное предупреждение. Туман войны так и не развеялся, прицельные метки нигде не задерживались, а замеченные прежде космодесантники пропали.

Загонщик попытался сфокусировать сенсоры шлема, чтобы пробиться через атмосферные эффекты, возникшие на поле боя. Он чувствовал что-то постороннее - так открытый нерв реагирует даже на

легкое касание. При этом Скаранкс не видел ничего, кроме дыма и огня. Даже звуки стрельбы умолкли, слышалось только потрескивание пламени и скрежет оседающих строений. Вокс-канал тихо пульсировал странными шепотами, словно сотня голосов вела тихую беседу на грани слышимости.

На мгновение пепельно-пылевое облако развеялось, позволив загонщику рассмотреть идущие в атаку колонны бригааннийской пехоты. Впереди солдат двигались осадные танки и демонические машины на паучьих ногах. Наступление продолжалось без задержек, купол Корамонда сотрясался под артиллерийским обстрелом, и Скаранкс не видел признаков сопротивления, никаких намеков на контратаку через пробоину в оболочке улья – только огонь и дым. Но он ничего не слышал, как будто над развалинами возник некий пузырь, блокирующий все внешние шумы.

Снизу донесся какой-то стук. Обернувшись, загонщик увидел одного из Железнобоких, возившегося с реликварием, который прежде висел у бедра убитого космодесантника. Пока товарищи были заняты, бригаанниец ковырял древнее лакированное дерево штыком и, в конце концов, сумел отодрать лицевую панель. Тут же все разговоры в воксе смолкли, воцарилась полная тишина, и даже херувимы, согнувшиеся в темных углах полуразрушенных арок, словно бы затаили дыхание.

Восприятие Скаранкса сдвинулось, исказилось. Он увидел, что дым, саваном лежавший на развалинах, уплотняется и твердеет вокруг солдата, успевшего залезть в ковчег и выдернуть наружу хранившуюся там вещь. Оказалось, что это рука скелета, сжатая в кулак; пожелтевшие кости были покрыты искусной вязью резко очерченных символов, значение которых загонщик не мог разобрать. Боец несколько секунд рассматривал объект, а затем, убедившись, что он не имеет видимой ценности, отшвырнул прочь.

Но рука не коснулась земли.

Ладонь, скрытая в черной как ночь латной перчатке, опустилась на голову мародера. Пальцы, раскрашенные в виде лишенных плоти костей, почти нежно сомкнулись на темени несчастного бригааннийца. Треснули сдавленные кости, и солдат заорал от невыносимой боли. Его товарищи развернулись или вскочили на ноги, двигаясь до смешного медленно для улучшенных чувств Скаранкса. Новые создания, облаченные в черную броню и окруженные мерцающими ореолами призрачного света, беззвучно выскользывали из дыма – а может, они и были дымом, обретшим форму и плоть. Цепной клинок без единого звука опустился на еще одного бойца, успевшего закричать перед тем, как его рассекло надвое. Кровь и ошметки плоти заляпали остальных бригааннийцев.

Отто, все еще стоявший у окна, уже собирался стрелять, когда его схватили сзади руки, выросшие прямо из стены. Окутанные дымом и пламенем ладони *сломали* Железнобокого, словно детскую игрушку. Черные фигуры просачивались сквозь кирпичную кладку, держа украшенные костями болтеры; оружие испускало драконий рев, изрыгая огонь и смерть.

Создания, шагавшие сквозь туман, были космическими десантниками, но Скаранкс прежде не видел воинов, подобных им. Эти существа мерцали и угасали, появлялись и исчезали из виду, словно обманы зрения. Язычки пламени лизали маслянистый воздух, окружающий фантомов, а на угольно-черных доспехах болезненно ярко блестели отбеленные кости. Пришельцы казались то бестелесными, как тени, то, мгновение спустя, более материальными, чем что-либо вокруг. Загонщик не мог даже сосчитать, сколько их всего. Тем временем болтеры продолжали раздавать смертные приговоры, выплевывая в бригааннийцев пылающие заряды, которые с адской легкостью разрывали злополучных солдат на куски.

Скаранкс стоял неподвижно, будто прирос к руинам. Нечто шевелилось у него в кишках, странная дрожь, которую загонщик не ощущал с тех пор, как впервые лег под нож Благодетеля. Ему оставалось

только смотреть, как умирают Железнобокие – быстро, не считая того, кто открыл ковчег. Мародер по-прежнему висел в руке призрака, хватаясь за проломленную голову и подвывая, словно кошка с перебитым хребтом. С пальцев, пронзивших череп, заструилось пламя; смешиваясь с кровью солдата, оно потекло по грязной коже и, жадно вздохнув, объяло его целиком. Несколько долгих секунд бриганниец верещал и сучил ногами, содрогаясь в явной агонии, и вопли, отражаясь от разрушенной арки, попадали в ухмыляющихся херувимов, а затем уносились в небо. Потом он умолк, безвольно повиснув в черной руке, и убийца выпустил тело.

Всё было кончено в мгновение ока. Пятнадцать человек погибли за пятнадцать секунд, их изуродованные, обгорелые трупы валялись на земле, окружая павшего Имперского Кулака. Рука скелета вновь оказалась в ковчеге, поставленном рядом с телом его обладателя. Осознав, что по-прежнему сжимает цилиндр с прогеноидной железой, Скаранкс огляделся по сторонам. В клубящемся сумраке жарко горели глаза фантомов, окружавших загонщика и ждавших... неизвестно чего. Создания заполнили руины церкви – от одного конца нефа до другого, словно прихожане из огня и костей – и все взгляды были обращены к нему.

Что-то простучало по полу. Под ноги Скаранксу прикатились два шлема, внешне похожие на его собственный, но проломленные и окровавленные; он отбросил их пинком. Затем раздался характерный перестук сосудов с геносеменем. Поднялась рука, держащая две перевязи, идентичные той, что носил загонщик. В цилиндрах, покачивающихся на ветру, отражалось пламя пожаров. Некоторые из них содержали по две-три влажно блестящих железы, и пес Повелителя ощутил мимолетную досаду, увидев, что собратья настолько обогнали его. Призрак бросил перевязи, и они полетели наземь с тем же звуком, с которым упал умирающий Имперский Кулак. Сквозь дым простерлась рука с вытянутым пальцем. Загонщик коснулся своего трофея, желая убедиться, что сосуд на месте – кем бы ни были пришельцы, он знал, что им нужно.

- Нет, - произнес Скаранкс.

Мгновение спустя из всколыхнувшегося дыма вырвалось громадное черное создание. В одной руке фантома, несущегося вверх по скату, тихо урчал цепной меч; другую он вытянул вперед, словно желая схватить загонщика. На броне великана мерцали всполохи и стучали кости – услышав этот звук, собиратель желез стряхнул оцепенение. Подняв собственный клинок, он блокировал выпад врага. Прежде Скаранксу уже доводилось обмениваться ударами со своими жертвами, но этот оказался сильнее прочих. После первого же соприкосновения клинков рука загонщика заняла до самого плеча.

Противники кружили вокруг друг друга, сталкивающиеся мечи высекали искры. Жилы Скаранкса вздулись, отзываясь на всё новые и новые выбросы адреналина из запасников. Мускулы загонщика набухали, прилив сил заставлял забыть о боли. Нанося мощные удары, собиратель желез заставил врага отступить; прежде он уже не раз сходилась один на один с космодесантником, если возникала необходимость. Неприятный опыт, но, когда не было иного выхода, удавалось побеждать и так. Скаранкс не забывал и об остальных призраках, которых так и не смог сосчитать, – они наблюдали за поединком снизу. Что ж, пусть смотрят, сколько душе угодно. Пусть смотрят, как загонщик убьет их товарища и заберет в награду геносемя, лежащее внизу.

Подстегиваемый этой мыслью, Скаранкс отступил на шаг, уклоняясь от направленного в лицо цепного меча. Совершив стремительный выпад из-под руки космодесантника, он пробороzdил доспех противника ниже нагрудника перемальвающими зубьями собственного клинка. Великан отшатнулся, загонщик сорвал с груди перевязь, выдернул из нее сосуд с геносеменем и набросил ремень на голову врага. Отпрыгнув назад, собиратель желез бросил меч, выхватил лазпистолет и выстрелил, попав в одну из

осколочных гранат; та детонировала, и за ней последовали остальные, скрывая космического десантника в облаке взрывов. Прижимая трофей к груди, Скаранкс подхватил цепной клинок и соскользнул по скату, чтобы подобрать две другие перевязи.

Рядом с его рукой опустился саботон, едва не оторвав пальцы. Пытаясь уйти от врага, загонщик неловко отскочил в сторону, в спешке спотыкаясь о трупы бригадиров. Видя, как смотрят на него красные глаза, Скаранкс почувствовал, что прямо сейчас безмолвно принимается какое-то решение. Затем странные космодесантники все, как один, повернулись к скату, где их чемпион попался на уловку собирателя желез.

Сердце загонщика бешено заколотилось – он увидел, что великан в черной броне не погиб, даже не пострадал. Космодесантник спускался вниз, срывая с себя обгоревшие клочья перевязи. Казалось, что его доспех остался нетронутым, пламя, обвивавшее нагрудник, не потускнело, а глаза пылали ярче прежнего.

Невероятно, ведь подобный взрыв должен был расколоть траурную броню, словно яичную скорлупу. Однако же, Скаранксу пришлось поверить собственным глазам, видевшим, что чемпион цел и невредим. Даже в месте, куда пришелся удар цепного меча, не осталось и следа, хотя загонщик помнил, как зубья впивались в металл.

Чем дальше спускался великан, тем ярче пылали его глаза, и в конце концов псу Повелителя пришлось отвести взгляд. В комм-модуле раздались шипение и треск, затем зазвучала речь, и, пусть загонщик не разбирает отдельных слов, смысл послания был ясен. Остальные космодесантники повернулись к нему, и в уши Скаранкса вцепилась свирепая какофония, буйство голосов, пронизанных неизбывной мучительной болью.

- Ты боишься? - шипели они. - Боишься меня?

И загонщик понял, что так и есть. В желудке ворочался тяжелый ком ледяного страха, приковывая его к земле, остатки гордости и рвения лежали горьким пеплом на языке. Скаранкс был убийцей ангелов – и ангелы, наконец, явились покарать его за преступления. Крепче сжав сосуд с геносеменем, он подумал, что Отто и другие солдаты были правы в своих суевериях, а затем рубанул по протянувшимся к нему клубам дыма. В них беззвучно приближались к загонщику создания в доспехах, и он чувствовал тепло призрачного пламени.

Скаранкс думал только о бегстве, о том, что должен же быть выход. Подняв голову, он остановил взгляд на колоннах: если удастся подняться и выбраться наружу, то, возможно, появится шанс на спасение. Нужно только пространство для рывка. Загонщик описал дугу мечом, пытаясь отогнать подступающих призраков; если получится добраться до Повелителя, там он окажется под защитой, господин не даст своему псу издохнуть так, как остальным. Изрыгая проклятия, Скаранкс снова взмахнул клинком.

А потом он заметил просвет и воспользовался им – рванулся к окну и с разбегу выпрыгнул наружу. По пути загонщик выронил цепной меч, но не стал возвращаться. Было слышно, как оружие воет, подзывая его, словно ребенок, брошенный родителем.

За осыпавшейся стеной на собирателя желез навалился грохот, непривычно громкий после пребывания внутри руин. У армии, осаждавшей Корамонд, начались проблемы. Земля содрогалась, раздавался жалобный визг ракет и нестройный рев демонических машин. Люди и боги вопили и рычали в агонии. Скаранкс ошеломленно смотрел на открывшуюся ему картину, не в силах двинуться с места.

На мертвецов, лежащих на поле боя, накатывалась пылающая армия, перемалывая их тела до неузнаваемости. На глазах загонщика погибла сотня солдат, затем двести, триста, четыреста - целые полки сметались пылающей косою фантомов в черных доспехах, медленно и целеустремленно выступавших из разрушенного улья. Хельбрут, размахивая тяжелыми клешнями, атаковал призрачных созданий, но враги в траурной броне погребли гиганта под собой. Стальной изверг мучительно завопил, растерзанный горящими зарядами, которые прошли через его адскую броню, как сквозь пустое место.

Взглянув на единственную железу в треснувшем цилиндре, Скаранкс крепче прижал добычу к груди и бросился бежать, уклоняясь от взрывов, распаивающих поле боя. Остался лишь один шанс на спасение - найти Повелителя. Возникая позади и со всех сторон, загонщика безмолвно преследовали создания в облике космодесантников, носящих украшенную костями черную броню.

Они не бежали, но при этом не отставали от Скаранкса, проникая сквозь плотные объекты, будто завитки дыма. Как стая воронов, как волки, без устали преследующие добычу, как быки, упорные в своей атаке, как ангелы, нисходящие с небес, они все время оставались на краю поля зрения, или над загонщиком, или позади, держа тот же темп, словно его собственная тень, обретшая плоть. Они тянулись к Скаранксу, оставаясь в нескольких метрах, и, как бы резво ни бежал пес Повелителя, обжигающие пальцы всё равно касались его. И всё это время фантомы продолжали шептать в вокс-канале, и голоса их напоминали шелест песка, скользящего по металлу, или шипение остывающих углей.

Если они и были частью армии, которая сейчас прокатывалась по осаждающим, то, похоже, преследовали иную цель. Черные великаны оставались рядом с загонщиком, не обращая внимания на бегущих бригадников или умирающие демонические машины, что безвольно оседали на землю неподалеку, изрыгая дым. Скаранкс понимал: призраки хотели получить то, чем владел он. Для них этот приз был столь же ценен, как и для него. Тихий голос внутри загонщика шептал, что погоня прекратится, если он отдаст сосуд. Его оставят в покое, позволят затеряться в отступающей толпе. Но Скаранкс не мог и не хотел поступить так.

Осада Корамонда была прорвана, и Повелитель наверняка отступал к бастионам, возведенным в первую неделю боев. Там ждали транспортники легиона, готовые доставить воинов к кораблям на орбите. Не щадя себя и напрягая все силы, Скаранкс чувствовал, как перестают действовать боевые наркотики. Загонщик бежал быстрее, чем когда-либо, огибая танковые ловушки и участки колючей проволоки, а в его теле надрывались мышцы и трещали кости. Несмотря ни на что, он сжимал добытый трофей. Когда слабющий эффект зелий окончательно исчез, Скаранкс начал черпать силы в страхе и ненависти, чувствах, испытываемых им в равной мере.

Собиратель желез заметил далеко впереди очертания массивного бастиона.

Мгновение спустя укрепление взорвалось. К небу взметнулись языки огня, загонщика осыпали крупные куски тлеющего скалобетона. Спрыгнув в траншею, Скаранкс накрыл добычу своим телом; из пламени поднялся транспортник, но вскоре потерял высоту и рухнул где-то поблизости.

Фантомы окружили загонщика, выросли впереди и позади него. Выхватив лазпистолет, Скаранкс начал выпускать во врагов один заряд за другим. При этом пожинатель ангелов праздно думал, не испытывает ли сейчас те же самые чувства, что и бригадники, которых он по отделению за раз скармливал своим жертвам. Лазпистолет пискнул, потом загудел: батарея питания была на исходе, и загонщик бросил оружие.

Вот и всё – бежать было некуда, но он не хотел *гореть*, не заслуживал этого. Скаранкс был хорошим псом, делал только то, что приказывал хозяин, но призраки загнали его, так, как он сам загонял своих жертв. Собиратель желез дрожал от страха, понимая, что Благодетель и Повелитель лгали ему. Он видел их ложь в безжизненных, обжигающих взглядах преследователей. Эти двое не были богами, и сам Скаранкс был ничем не лучше, ничем не выше других. Он был всего лишь человеком, и он боялся.

- Вам нужно *это*? - закричал Скаранкс, поднимая сосуд. Если отдать цилиндр, ему позволят уйти, как и пытались объяснить шепчущие голоса. Всё, что нужно - продемонстрировать раскаяние. - Забирайте, просто забирайте!

Фантомы остановились. Облаченные в броню великаны смотрели на загонщика, а их безмолвие обволакивало траншею. Сглотнув желчь, Скаранкс бросил взгляд на сосуд.

Разбитый сосуд.

В цилиндре лежала обуглившаяся железа, пронзенная куском металла. Геносемя погибло. По рядам преследователей пронеслось нечто вроде вздоха, в котором звучала боль от старой, вновь открывшейся раны. Одно из созданий в траурном доспехе осторожно прижимало к себе ковчег Имперского Кулака, словно этот ящичек что-то значил для призраков.

Затрещал вокс; Скаранкс мог разобрать, что Повелитель изрыгает какие-то приказы, но отдельные фразы терялись в мучительных помехах, поглощавших каналы связи так же быстро, как пламя пришельцев пожирало врагов. В ушах загонщика бессловесно ревели иные голоса, похожие на жестокий, неуправляемый рык огня, растущую пульсацию двигателей фрегата, близких к перегрузке, и грохот удара кометы о силовой щит. Это были голоса рока и проклятия, рев варп-левиафана, готового проглотить тебя целиком. Это был крик десяти тысяч выпотрошенных космодесантников и их императора-группа. Это был плач тех, кто еще не родился, и тех, кто никогда не умрет, вой сломанных судеб и неисполненных предназначений.

Скаранкс упал на колени и обхватил голову, пытаясь сорвать шлем, а звуки продолжали врезаться в него, терзая мозг добела раскаленной болью.

Чувствуя, как вой отдается в теле и прокатывается над ним, видя, как черные силуэты преследователей в покрытой пламенем броне заполняют траншею, Скаранкс осознал, что ему давали возможность заслужить легкую смерть, но он отверг полученный шанс. Ему давали возможность раскаяться в своих преступлениях, но он отверг и это.

Теперь уже слишком поздно.

Теперь он будет гореть.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Непаскаявшийся/_Remorseless_\(рассказ\)&oldid=6078](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Непаскаявшийся/_Remorseless_(рассказ)&oldid=6078)

Эта страница в последний раз была отредактирована 17 октября 2019 в 19:30.